

О.С.Крюкова

«Погружение» в Достоевского: рецепция биографического мифа о писателе в российском кинематографе XXI в.

Биографический миф о писателе в XXI веке – неотъемлемая часть как литературного процесса, так и массового сознания. В понимании этого термина мы следуем за Т.Б.Шеметовой: «Биографический миф – это миф Нового времени, который не может существовать без своего субъекта – автора, осознающего первоначальную версию собственной судьбы, которая затем многократно переосмысливается как массовым сознанием, так и художниками, исследователями. ... он не является порождением коллективного бессознательного, напротив, именно коллективное сознание в различных формах вновь и вновь воспроизводит автобиографический миф»¹. Личность того или иного писателя-классика в массовом сознании складывается из школьных хрестоматийных представлений, художественных биографий, иконографии и фильмографии, связанных с писателем и его произведениями.

В современном биографическом мифе о Ф.М.Достоевском можно выделить следующие основные мифологемы: «рождение в семье лекаря Мариинской больницы для бедных», «тайна Михайловского замка» (эта мифологема представляет собой название одной из серий документального фильма «Жизнь и смерть Достоевского»), «убийство отца крестьянами», «три любви Достоевского» (название книги американского исследователя российского происхождения М.Слонима), «русская рулетка» (последняя мифологема также является названием одной из серий документального фильма «Жизнь и смерть Достоевского»), а также такие мифемы, как «каторжник из Мертвого дома», «гениальный эпилептик», «жестокий талант», «достоевщина». Эти мифологемы и мифемы отражают бытование представлений о биографии Достоевского и его творчестве в российском массовом сознании и, помимо кинематографа, поддерживаются литературно-биографическими произведениями, произведениями искусства и атрибутами городской культуры (например, архитектурно-художественным оформлением станции метрополитена – «Достоевская» – в Москве).

Мифологема рождения в семье лекаря Мариинской больницы для бедных на Божедомке метафорически осмысливается в первой серии документального фильма А.Клюшкина

«Жизнь и смерть Достоевского» (2004 г.), в котором известный литературовед Игорь Волгин заявляет, что все творчество Достоевского можно назвать в переносном смысле «больницей для бедных». А.Зенкин в книге «Проклятие гениев», посвященной трем дням из жизни Ф.М.Достоевского, которые были связаны со смертью Алеши Достоевского, приписывает великому писателю мысли о невозможности нормальной жизни вообще на Божedomке – месте, куда когда-то свозили неимущих покойников и самоубийц: «Как могут тут жить и воспитываться счастливо дети! Здесь взрослые-то живут лишь потому, что безбожно водку пьют или бесконечно, мучаясь и проклиная жизнь, лечатся»². Книга А.Зенкина представляет собой некий поток сознания, состоящий из реальных фактов биографии писателя, монологов героев его произведений, элементов биографического мифа Достоевского и домыслов автора, А.Зенкина, который использует их в силу художественной биографичности избранного жанра.

Обращает на себя внимание следующее. Мифологемы в биографическом мифе затрагивают лишь наиболее принципиальные вехи биографии того или иного писателя, «промежуточные звенья» в данном случае не принципиальны. В популярной биографической литературе эти лакуны могут быть обозначены как цитаты из писем самого «биографического объекта», т.е. того или иного писателя. Так, М.Я.Басова в популярной биографической книге «Жизнь Достоевского. Сквозь сумрак белых ночей» начало петербургского периода жизни и творчества Ф.М.Достоевского обозначает следующими рубриками: «Неожиданное препятствие; В пансионе капитана Костомарова; Новые знакомства; «Ждем не дождемся экзамена»; В Инженерном замке; Всегда с книгой; «Во фрунте нет солнца!»; В лагере под Петергофом; «Еще лишний год дрянной, ничтожной кондукторской службы!»; Смерть отца»³.

Если в документально-художественной повести учебное заведение обозначено достаточно нейтрально – «В Инженерном замке», – то название одной из серий документального фильма имеет целью привлечь внимание зрителя, заинтриговав его. «Тайна Михайловского замка» – это и историческая аллюзия на убийство российского императора, и относительно новая, тиражируемая телевидением мифологема. Заметим, что самая важная «тайна» юности Федора Михайловича, которой так или иначе касаются все биографы, – превращение «кондуктора» Достоевского в писателя с громадным творческим потенциалом. Здесь же возникает и любопытная биографическая подробность – это нереализованная потребность в чае во время учений, – тема, которую затрагивают многие биографы. Значимость этой темы выявляется ими в текстах самого писателя. В

версии М.Я.Басиной это представлено следующим образом: «Чем старше становился Федор, тем сильнее чувствовал уколы самолюбия от своего неравенства с богатыми товарищами. Они бросали в лагерях сотни, а он не мог иметь даже собственного чаю, довольствуясь казенным два раза в день. <...> У других есть, а него нету. Мучительное унижение. Это навсегда запомнилось. Недаром через несколько лет в своем первом романе «Бедные люди» молодой писатель Достоевский скажет устами Макара Девушкина: “Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь все народ достаточный, так и стыдно. Ради чужих и пьешь, для вида, для тона”»⁴. В биографическом фильме «Жизнь и смерть Достоевского» нереализованная потребность кондуктора в собственном чае соотносится со словами «подпольного человека» о выборе между чаепитием и концом света: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁵. Эта ситуация поддерживается и современной графикой: Литературно-мемориальным музеем Достоевского в Санкт-Петербурге растиражирована открытка, в основе которой – рисунок художника Игоря Князева «Достоевский и чай» (2004 г., бумага, темпера). Открытка выполнена в лубочной манере, внизу – приведенная выше цитата из «Записок из подполья» (см. Илл. 1).

Однако биографами Ф.М.Достоевского нереализованная потребность в чае по причине недостаточности средств подвергается сомнению. Л.Сараскина в биографии Достоевского для серии «Жизнь замечательных людей» приводит свидетельство другого воспитанника Инженерного училища – русского географа П.П.Семенова-Тян-Шанского – о том, что он в аналогичной ситуации в лагерях вовсе не тяготился своим безденежьем⁶.

Как известно, во время обучения в Инженерном училище Достоевский получил известие о смерти отца. Мифологема убийства отца крестьянами придает образу Достоевского в литературе и искусстве особую трагичность, хотя так и не доказано, была ли смерть Михаила Андреевича Достоевского убийством или же она действительно произошла от апоплексического удара. Этот вопрос до сих пор является предметом обсуждения в «криминальном литературоведении»⁷, которое, впрочем, исследует не только гибель отца Ф.М.Достоевского, но и загадку смерти М.Горького, С.А.Есенина, В.В.Маяковского. А.Зенкин в книге «Проклятие гениев» связывает смерть М.А.Достоевского с его тяжелым характером и видит в душевном складе отца писателя одну из причин эпилепсии – болезни, погубившей Алешу Достоевского. Обвинения в адрес отца автор приписывает Федору Михайловичу: «Он был вечно зол и злобен так, что даже погиб не своею смертью от своих людей за именно свою злобу»⁸.

Начало литературного пути Достоевского можно обозначить названием одной из серий документального фильма «Жизнь и смерть Достоевского» – «Дебют. Цена успеха», но в массовом сознании, отражением которого и является биографический миф, этот факт из жизни писателя представлен достаточно размыто и поэтому не является, на наш взгляд, мифологемой. Напротив, пушкинские строки «Старик Державин нас заметил // И, в гроб сходя, благословил» являются не только хрестоматийными, но и крылатыми⁹, поэтому о начале литературного пути Пушкина знают и неспециалисты. Достоевскому в этом отношении повезло меньше.

Мифологема «три любви Достоевского», или, в другом варианте, «Три женщины Достоевского» (название фильма Евгения Ташкова, 2010 г.) неоднократно становилась предметом художественно-биографической прозы, киносценариев и драматических произведений. Основой этой части биографии Достоевского стали его письма, а также обширная мемуаристика, представленная в том числе в «Дневнике 1867 года» А.Г.Достоевской. И именно эта часть биографии Ф.М.Достоевского весьма притягательна для кинематографа, и даже фильм советского периода «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» А.Зархи (1980 г.) не является в этом смысле исключением.

Из «трех женщин Достоевского» наиболее противоречив образ Аполлинии Сусловой, в трактовке киносценаристов, и произошло это не без влияния мемуаров Л.Ф.Достоевской, дочери писателя. «Их отношения были запутаны, нездоровы, мучительны, но жизнь без Аполлинии представлялась Федору Михайловичу невозможной», – безапелляционно утверждает Б.Акунин в популярном детективном романе «Ф.М.»¹⁰. Почти каждый автор художественной биографии Ф.М.Достоевского так же привносит в образ А.Сусловой какие-то новые черты, нередко вымышленные.

Подмеченные мемуаристами, а иногда и неправдоподобные мелодраматические черты в характере и поведении А.Сусловой, равно как и другие биографические неточности, относящиеся к самому Федору Михайловичу, в XXI веке превратили писателя Достоевского в персонаж сериала в худшем понимании этого кинематографического жанра. Грубое, обывательски-пошлое искажение действительности свойственно сценарию сериала В.Хотиненко «Достоевский» (2011). Здесь опошлен даже Достоевский, здесь трагестируются основные моменты массового знания о Достоевском.

Драматургическая трактовка судьбы Достоевского гораздо более приближена к исторической истине. В пьесе Владимира Юровицкого «Анна Григорьевна» реалии XX

века существуют независимо от любовной истории, которая разворачивается в XIX веке. Собственно, драма «Анна Григорьевна» является частью драматической диалогии «Русские жены», которая посвящена судьбам спутниц жизни двух величайших писателей России – Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого, соответственно, Анне Григорьевне Достоевской и Софье Андреевне Толстой. В обеих частях диалогии автор обращается к наиболее известным, широко освещенным в мемуарно-биографической литературе эпизодам взаимоотношений писателей и их жен. В случае с Ф.М.Достоевским и А.Г.Достоевской к таким моментам относится их первая встреча, вызванная необходимостью продиктовать стенографистке роман «Игрок»; предложение руки и сердца; пребывание супругов за границей на фоне пагубного пристрастия писателя к рулетке; первая беременность Анны Григорьевны; ревность к Сусловой; расчеты с кредиторами; смерть писателя. В уста своего героя автор вкладывает любовное признание, соединяющее две страсти, – азарт и любовь-страсть: «Всю жизнь мечтал я выиграть главный выигрыш, и выиграл-таки, но не в рулетку. Ты мой главный выигрыш, Неточка...»¹¹

Неким диссонансом в тексте драмы звучат отрывки из знаменитой Пушкинской речи Достоевского, в форме драматического монолога писателя. Еще большим диссонансом выглядит явный анахронизм, полемически прерывающий Пушкинскую речь. Это вступает в действие своеобразный аналог *deux ex machine* – «Бога глас», который цитирует псевдодокумент – письмо сибирских женщин Надежде Константиновне Крупской. Гораздо более достоверно выглядит Пролог, в котором происходит встреча Анны Григорьевны с молодым композитором Сергеем Прокофьевым, принесшим партитуру оперы «Игрок». Этот факт известен биографам Достоевского по устному рассказу А.Г.Достоевской в изложении Л.П.Гросмана.

Восприятие личности писателя в массовом сознании характеризуют и устойчивые языковые формулы – мифемы. Если выражение «архангельский мужик» благодаря Н.А.Некрасову ассоциируется с личностью М.В.Ломоносова, то мифема «каторжник из Мертвого дома» ассоциируется прежде всего с Ф.М.Достоевским. Эта мифема включает в себя перифразу «Мертвый дом», которая стала популярной при обозначении тюрьмы и каторги еще при жизни Ф.М.Достоевского. Почти все авторы, которые обращались к этой теме, подчеркивали, что первоначальное представление о каторге они получили именно из произведения Достоевского. Не повторяя наши предшествующие работы¹², приведем пример из тюремной прозы Игоря Губермана: «Знаешь, кажется, где-то у Достоевского –

ну, скорей всего, в «Записках из Мертвого дома» – высказано горькое сожаление, что такое количество умов и талантов губится в тюрьме и на каторге, будто бы Россия специально себя сама решила обеднить»¹³. Даже в период, когда о Достоевском говорили мало и тенденциозно, мифологема каторжника была идеологически приемлема. Эту мифологему тиражирует один из первых фильмов о Достоевском – «Мертвый дом» (1932 г.).

Мифема «гениальный эпилептик» присутствует во многих художественно-биографических сочинениях о писателе, который наделил этой болезнью и своего «положительно прекрасного человека» – князя Мышкина. Эпилепсия как неотъемлемое свойство Ф.М.Достоевского неоднократно обыгрывается в литературе постмодернизма. Часто постмодернистское произведение представляет собой некий калейдоскоп намеков на литературные и исторические факты. Характерным образцом этого является запись в блоге Натальи Черных – «Достоевский», где намек на болезнь великого писателя трансформируется в специализацию школьного класса, но абсурдным или чужеродным это, в контексте стихотворения, не выглядит, как и не кажутся таковыми несвойственные персонажу романа «Братья Карамазовы» поступки. Однако для целостного восприятия стихотворения необходимо ориентироваться как в проблематике романа «Братья Карамазовы», так и в особенностях мировоззрения Достоевского. Только тогда можно принять метафорический эпитет «расхристанный» по отношению к Алеше Карамазову. Приведем отрывок из этого стихотворения: «Я педагог давно умершей школы. // Мой метод изучения избит. // Культ-класс с эпилептическим уклоном // Читает Достоевского навзрыд. // В глазах ребят – вселенский светлый разум. // И, выйдя незадолго до звонка, // Расхристанный Алеша Карамазов // В учительской нальет мне коньяка»¹⁴. В постмодернистской литературе с личностью Ф.М.Достоевского связываются также пограничные и патологические состояния психики, что и демонстрирует упомянутый выше роман Б.Акунина «Ф.М.».

Мифема «жестокий талант» принадлежит перу критика Н.К.Михайловского, автора одноименной статьи¹⁵. Другая мифема, «достоевщина», появилось на рубеже XIX-XX вв. и, согласно словарю Ушакова, имеет два значения, причем с пометой «публицистическое»: 1. Психологический анализ в манере Достоевского (с оттенком осуждения). 2. Душевная неуравновешенность, острые и противоречивые душевные переживания, свойственные героям романов Достоевского¹⁶. Нередко понятие «достоевщина» распространялось и на личность самого писателя, означая нервность,

неуравновешенный характер и даже истеричность. В таком ключе его трактует П.А.Флоренский в мемуарной прозе, не употребляя, однако, самого слова «достоевщина»:

«Рыдание, вопли, восклицания – совершенно не могу представить себе чего-нибудь такого в нашем доме. А если бы Достоевский ворвался с этим в дом, то, ясно представляю, мама сказала бы нам, детям: «Подите побегайте во дворе, Федор Михайлович болен».¹⁷ Слово «достоевщина» не употребляет и Л.Цыпкин в повести «Лето в Бадене», но бытовое поведение писателя Достоевского описывается этим автором так, что невольно возникают ассоциации с мифемой «достоевщина»: «... Ради Бога, оставьте вы все меня в покое! – закричал он, оттолкнув от себя тарелку с дымящимся вторым, – с заткнутой за воротник салфеткой он вскочил из-за стола и быстрыми шагами пошел к себе в кабинет – захлопнув дверь, он сел за свой стол, подперев голову руками. Т, – сердце его стучало, молотом отдаваясь в ушах...»¹⁸ Нервность и вспыльчивость писателя акцентируется и Д.Бреговой: «... иногда даже мелочи и приводили к нервным срывам. Так с ним бывало и раньше – например, во время путешествия со Страховым по Италии, когда он грубо и, главное, совершенно ни за что обругал лакея...»¹⁹.

Однако в осмыслении феномена Достоевского Россия эволюционировала от мифем (языковых формул) «жестокый талант», и «достоевщина» до постижения глубины психологизма писателя. Это заслуга критиков и историков литературы. Современный российский кинематограф либо тиражирует популярные мифологемы биографического мифа о писателе (фильм «Три женщины Достоевского»), либо искажает их существенным образом (сериал «Достоевский»). Жанр научно-биографического фильма («Жизнь и смерть Достоевского») противостоит художественным и псевдохудожественным фильмам своей элитарностью, адресованностью не массовому зрителю. Остается только надеяться, что грубые биографические ошибки, растиражированные продуктами массовой культуры, тем не менее, все-таки способствуют в конечном итоге возрастанию читательского интереса к произведениям Ф.М.Достоевского.

-
- ¹ Шеметова Т.Б. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автореферат диссертации....доктора филологических наук. - М., 2011. – С.2-3.
- ² Зенкин А. А. Проклятие гениев: Роман-триптих: Центр. Часть (Наказание и преступление). – Йошкар-Ола, 2002. – С. 41 (Грянувшему третьему ... тысячелетию).
- ³ Басина М.Я. Жизнь Достоевского: Документально-художественная повесть. Сквозь сумрак белых ночей. – СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2004. – 240 с.
- ⁴ Там же. – С. 48.
- ⁵ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т.4. – С. 237.
- ⁶ См.: Сараскина Л.И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 2011. – С.98 (Жизнь замечательных людей).
- ⁷ См.: Прохоров Г.С. Следственные мероприятия по делу о смерти М.А.Достоевского в контексте криминалистики того времени // Ф.М.Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25-29 августа 2009 г. / сост. В.А.Викторович. – Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. – С. 217-220.
- ⁸ Зенкин А.А. Указ. Соч. – С. 28.
- ⁹ Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – С.521-522.
- ¹⁰ Акунин Б. Ф.М.: [роман]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – С. 177-178.
- ¹¹ Юровицкий В.М. Анна Григорьевна // Юровицкий В.М. Русские жены: Драматическая диалогия. – М.: Лит. Агентство «Владимир», 1997. – С. 76.
- ¹² См.: Крюкова О.С. «Записки из Мертвого дома» Ф.М.Достоевского и литературная традиция прозы о русской каторге // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2002. - № 2. – С. 61-68.
- ¹³ Губерман И. Камерные гарики. Прогулки вокруг барака. – М.: «Аст», «Астрель», 2011. – С. 235.
- ¹⁴ Чернова, Наталья. Достоевский // <http://www.mk.ru/blog/post/2276-dostoevskiy.html>.
- ¹⁵ См.: Михайловский Н.К. Жестокий талант // Ф.М.Достоевский в русской критике. – М.: Государственное издательство художественной литературы. – М., 1956. – С. 306-385.
- ¹⁶ Достоевщина // Толковый словарь русского языка / Под ред. Проф. Д.Н.Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. – Т.1. – Пг. 784.

¹⁷ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М.: Новосибирское книжное издательство, 1991. – С. 69.

¹⁸ Цыпкин Л. Лето в Бадене. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 178.

¹⁹ Брегова Д. Ищите и найдете: Последние четырнадцать лет жизни Федора Достоевского. Заблуждения и вершины. – М.: Советский писатель, 1993. – С. 184.